P1 2/190.

Весь доходъ отъ продажи этой брошюры поступаетъ въ Шлиссельбургскій фондъ.

91г
791

В. А. БОГУЧАРСКІЙ.

КРОВАВЫЙ СИНОДИКЪ.

Смертная казнь по политическимъ дѣламъ въ Россіи.

книгоиздательство ГОЛОСЪ.

Ц. 15 к.

СПБ.

Р1/2
190

В. Я. Богучарскій.

КРОВАВЫЙ СИНОДИКЪ.

Смертная казнь по политическимъ дѣламъ въ Россіи.

Весь доходъ отъ продажи этой брошюры поступаетъ въ Шлиссельбургскій фондъ.

Цѣна 15 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. т-ва „Обществ. Польза", Б. Подъяч., 39.
1906.

Госуд. публичная
историческая
библиотека РСФСР
21956.24 V
21956 V
9/IV 24

Декабристъ Сергѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ.

(Повѣшенъ 13 іюля 1826 года въ числѣ первыхъ пяти мучениковъ за свободу, чѣмъ и открылъ собою вмѣстѣ съ ними--„кровавый синодикъ“).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Своевременно ли выпускать въ свѣтъ отдѣльнымъ изданіемъ рѣчь, произнесенную при условіяхъ, совершенно непохожихъ на тѣ, среди которыхъ мы живемъ въ настоящее время? Своевременно ли, когда заключительныя слова рѣчи—„отмѣна смертной казни и амнистія безъ всякихъ исключеній, ограниченій и изъятій,—вотъ что должно стать лозунгомъ данной минуты“,—не только не реализировались въ жизни, но звучатъ послѣ всего нами съ того времени пережитаго какой то жестокою насѣшкою...

Отмѣна смертной казни, какъ массовое требованіе общества, и примѣненіе ея на практикѣ въ безпримѣрныхъ размѣрахъ всѣми осужденнымъ приказнымъ строемъ...

Амнистія—и неслыханное переполненіе тюремъ заключенными, а всякихъ „гиблыхъ мѣстъ“ ссыльными, чаще всего безъ всякаго слѣдствія и суда по одному административному „усмотрѣнію“...

Да что, впрочемъ, и говорить о произвольныхъ, не обставленныхъ никакими гарантіями отъ самаго широкаго произвола, ссылкахъ и арестахъ, когда тотъ же самый „упрощенный“ методъ приведенія къ смиренію строптивыхъ практикуется и по отношенію къ отнятію самой жизни у десятковъ и сотенъ людей, когда,—наши потомки съ трудомъ представлять себѣ будутъ, что это былъ не сонъ, не бредъ разстроеннаго воображенія, не кровавый

кошмаръ, а подлинная русская дѣйствительность,—мы прямо таки привыкли читать многочисленныя лаконическія газетныя сообщенія въ родѣ такихъ:

Въ Доленѣ разстрѣляно 11 человѣкъ.

Въ Куртенгофѣ разстрѣляно 4 крестьянина.

Въ Саусенской волости разстрѣляно 8 человѣкъ. По дорогѣ въ Фетенъ разстрѣляны 3 крестьянина.

Въ Бербенской волости происходятъ разстрѣлы ежедневно.

Въ Іоргенсбургскомъ приходѣ разстрѣляны 4 революціонера.

Въ Кокенгузенѣ разстрѣляно свыше 30 человѣкъ.

Въ Ашерандѣ разстрѣляно 4 человѣка.

Въ Ленпезарденѣ разстрѣляно 2 человѣка.

Въ Старомъ-Гульбинѣ разстрѣляны 32 человѣка.

Въ имѣніи Тинзе разстрѣляно 11 человѣкъ.

Въ Тофцумбергѣ разстрѣляно 9 человѣкъ.

Въ Тальсенѣ разстрѣляно 5 человѣкъ.

Въ Гроссъ-Зальвенѣ разстрѣлянъ Юлій Дѣвоцинъ, принадлежащій къ числу лучшихъ современныхъ латышскихъ лириковъ.

Въ Вайноденѣ разстрѣляно 13 человѣкъ, повѣшено 2—и т. д. и т. д...

И это дѣятельность „карательныхъ“ отрядовъ въ одномъ только Прибалтійскомъ краѣ.

А Москва, а Сибирь,—тамъ что творилось?

Возьмите хоть слѣдующую выписку изъ напечатаннаго въ газетѣ „Наша Жизнь“, раздирающаго душу письма приговореннаго въ Читѣ къ смертной казни директора Верхнеудинскаго реальнаго училища г. Окунцова.

„Меня, какъ фактическаго редактора „Верхнеуд. Листка“,—пишетъ г. Окунцовъ,—Шинкмана и

Мирскаго, какъ сотрудниковъ, ген. Ренненкампфъ особенно возлюбилъ и вотъ уже четвертую недѣлю возитъ въ вагонѣ въ своемъ поѣздѣ. Для устрашенія или въ качествѣ заложниковъ онъ зорко слѣдитъ за нами и показываетъ намъ всякіе ужасы. Онъ заставилъ насъ пережить казни пяти нашихъ товарищей по заключенію въ Верхнеудинскѣ, восьми на ст. Хилонъ и четырехъ въ Читѣ. Намѣчены еще жертвы. Военный судъ и ген. Ренненкампфъ 25 февраля вынесъ намъ смертный приговоръ черезъ повѣшеніе. И это несмотря на то, что изъ 36 свидѣтелей, 30 показывали въ наше оправданіе. Насъ обвиняли въ изданіи „Верхн. Листка“, въ какомъ-то вооруженномъ возстаніи (о немъ въ Верхнеудинскѣ никто никогда не слыхалъ) съ цѣлью ниспроверженія существующаго государственнаго строя. Въ частности мнѣ приписали стремленіе революціонизировать учащихъ чрезъ союзъ учащихся, при помощи пѣнія революціонныхъ пѣсенъ и рѣчей.

„Нашего защитника судъ не допустилъ къ защитѣ“.

„Даже намека на правосудіе не было“.

„Въ Хилкѣ, напр., этотъ судъ приговорилъ четырехъ юношей и 15-лѣтняго мальчика къ смерти только за то, что они въ пьяномъ видѣ поколотили машиниста и „тѣмъ способствовали низверженію существующаго государственнаго строя“ (буквальное выраженіе изъ обвинительнаго акта). Тамъ же пом. машиниста Марчинскій былъ разстрѣлянъ только за то, что въ пьяномъ видѣ выразилъ желаніе охладить паровозъ, что, по обвинительному акту сильно „способствовало низверженію государственнаго строя“.

„Положа руку на сердце заявляю, что всѣ жертвы ген. Ренненкампфа и его суда казнены безъ законнаго слѣдствія и суда. Безвинные они мученики! Всему мыслящему русскому народу это говорю“.

„Пишу эти строки и содрогаюсь. Вѣдь съ 25 фе-

враля я тоже приговоренъ къ смерти. За что? Клянусь предсмертнымъ своимъ часомъ—я не знаю, за что! И если меня убьютъ, я этотъ вопросъ унесу съ собой въ могилу и завѣщаю русскому народу допросить моихъ судей".

„За что меня схватили, какъ злодѣя?"

„За что меня приговорили къ смерти? Я не знаю".

„Я и мои товарищи ежеминутно ждемъ смерти. Вотъ войдутъ солдаты, схватятъ насъ, поведутъ за городъ на гору и убьютъ насъ. Мы прощаемъ солдатамъ ихъ насиліе надъ нами: они не понимаютъ, что дѣлаютъ; но мы не прощаемъ и никогда не простимъ тѣмъ, по чьему приказу учиняютъ надъ нами насиліе".

Какія тутъ нужны коментаріи!..

Нѣтъ еще никакой возможности не только возстановить имена всѣхъ казненныхъ за послѣдніе 3—4 мѣсяца, но даже опредѣлить число ихъ. Невѣротятно, но фактъ!

Оставляя поэтому выполненіе скорбной задачи такого „исчисленія" будущему, мы снова возвращаемся къ вопросу,—стоитъ ли выпускать отдѣльнымъ изданіемъ въ свѣтъ рѣчь, произнесенную при условіяхъ, совершенно не похожихъ на тѣ, среди которыхъ мы живемъ? Мы позволяемъ себѣ отвѣтить на этотъ вопросъ утвердительно по двумъ причинамъ: во первыхъ потому, что сколь ни мрачны ужасы переживаемаго нами времени, но отъ этого не должна меркнуть память о тѣхъ, кто въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ приносилъ въ буквальномъ смыслѣ слова жизнь свою на алтарь народнаго освобожденія, и во-вторыхъ потому,—что, чѣмъ мрачнѣе наше время, чѣмъ большими ужасами преисполнено оно, тѣмъ настойчивѣе долженъ повторяться лозунгъ минуты,—„отмѣна смертной казни и амнистія, амнистія безъ всякихъ исключеній, ограниченій и изъятій"!..

Вотъ что говорилъ я на митингѣ протеста противъ смертной казни 10 ноября 1905 года [1]).

Мрачна будетъ моя повѣсть. На меня выпала нелегкая задача развернуть передъ вами страницы сочащагося кровью синодика, въ которомъ вписаны имена многаго множества борцовъ и мучениковъ за свободу нашей родины. На этомъ основаніи, прежде чѣмъ приступить къ чтенію, я предлагаю вамъ почтить память всѣхъ ихъ вставаніемъ [2]).

Гоненія самодержавной власти на людей, преданныхъ свободѣ, началось, можно сказать, одновременно съ самымъ появленіемъ такихъ людей. Я не буду останавливаться на судьбѣ одного изъ нашихъ первомучениковъ—А. Н. Радищева, автора знаменитой книги „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву". За напечатаніе этой „ужасной" книги, представлявшей собою главнымъ образомъ протестъ противъ крѣпостного права, сенаторы Великой Екатерины приговорили Радищева „наказать смертью, а именно, по силѣ воинскаго устава 20 августа, отсѣчь голову". Болѣе трехъ недѣль медлила послѣ этого императрица съ конфирмаціей приговора и, наконецъ, по случаю заключенія мира съ Швеціей „для всеобщей радости" указомъ 4 сентября 1790 года замѣнила Радищеву смертную казнь ссылкою въ Илимскій острогъ на границѣ Якутской области. Дальнѣйшая судьба его общеизвѣстна.

Пройдемъ мимо царствованія Александра Перваго, отличавшагося огромнымъ количествомъ смертей подъ палками и шпицрутенами, но не знавшаго открытыхъ приговоровъ къ смертной казни, и перейдемъ прямо къ тѣмъ днямъ, когда на престолъ возсѣлъ такъ называемый „Незабвенный" Николай. Вамъ, конечно, извѣстны декабрскія событія

---

[1]) Рѣчь эта была затѣмъ напечатана въ декабрьской книжкѣ „Міра Божія" подъ заглавіемъ „Кровавый Синодикъ".

[2]) Публика исполнила предложеніе, какъ одинъ человѣкъ.

1825 года въ Петербургѣ и на югѣ Россіи. Въ результатѣ открытіе составленнаго еще въ предшествовавшее царствованіе заговора и невѣроятный по своей жестокости приговоръ Верховнаго Уголовнаго Суда. По рѣшенію этого судилища, были приговорены къ смертной казни черезъ отсѣченіе головы 31 человѣкъ, а сверхъ того еще 5 человѣкъ—къ четвертованію. Эти 31 были: 1) полковникъ кн. Трубецкой; 2) поручикъ кн. Оболенскій; 3) подполковникъ Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ; 4 и 5) двое братьевъ подпоручики Борисовы; 6) подпоручикъ Горбачевскій; 7) майоръ Спиридовъ; 8) штабсъ-ротмистръ кн. Барятинскій; 9) колежскій асессоръ Кюхельбекеръ; 10) капитанъ Якубовичъ; 11) подполковникъ Поджіо; 12) полковникъ Артамоновъ-Муравьевъ; 13) прапорщикъ Вадковскій; 14) прапорщикъ Бечасновъ; 15) полковникъ Давыдовъ; 16) генералъ-интендантъ Юшневскій; 17) штабсъ-капитанъ Александръ Бестужевъ (извѣстный писатель Марлинскій); 18) подпоручикъ Андреевичъ; 19) капитанъ Никита Муравьевъ; 20) колежскій асессоръ Пущинъ (извѣстный другъ и лицейскій товарищъ Пушкина); 21) генералъ-майоръ кн. Волконскій; 22) капитанъ Якушкинъ; 23) подпоручикъ Пестовъ; 24) лейтенантъ Арбузовъ; 25) лейтенантъ Завалишинъ; 26) полковникъ Повалло-Швейковскій; 27) поручикъ Пановъ; 28) поручикъ Сутговъ; 29) штабсъ-капитанъ кн. Щепинъ-Ростовскій; 30) мичманъ Дивовъ и 31) извѣстный ученый и литераторъ Н. И. Тургеневъ.

Изъ всѣхъ этихъ лицъ только Тургеневъ, какъ находившійся во время суда за-границей и потому осужденный заочно, не испыталъ всѣхъ томительно-долгихъ ужасныхъ дней пребыванія между жизнью и смертью. На долю всѣхъ остальныхъ выпало испить эту чашу полностью.

Но этимъ лицамъ все-таки, въ концѣ концовъ, смертная казнь была замѣнена каторгой. Не то случилось съ приговоренными къ четвертованію ихъ пятью товарищами: полковникомъ Пестелемъ,

извѣстнымъ поэтомъ Рылѣевымъ, полковникомъ Сергѣемъ Муравьевымъ-Апостоломъ, подпоручикомъ Бестужевымъ-Рюминымъ и отставнымъ поручикомъ Каховскимъ. „Милость“ къ нимъ ограничилась лишь замѣною лютыхъ орудій казни веревками и 13 іюля Пестель, Рылѣевъ, Муравьевъ-Апостолъ, Бестужевъ-Рюминъ и Каховскій окончили дни свои на висѣлицѣ).

Веревками и кандалами отвѣтила, такимъ образомъ, 80 лѣтъ тому назадъ самодержавная власть на беззавѣтный порывъ лучшихъ сыновъ земли русской къ свободѣ.

Кто были эти люди? Я не имѣю возможности останавливаться здѣсь на этомъ вопросѣ и напомню лишь вамъ тѣ строки, которыя поэтическая душа Рылѣева, какъ-бы предчувствуя собственный жребій, вложила въ уста героя его поэмы, Войнаровскаго.

Извѣстно мнѣ: погибель ждетъ
Того, кто первый возстаетъ
На угнетателей народа.
Судьба меня ужъ обрекла,
Но гдѣ-жъ, скажи, когда была
Безъ жертвъ искуплена свобода?
Погибну я за край родной—
Я это чувствую, я знаю,
И радостно, отецъ святой,
Свой жребій я благословляю.

Да, это Рылѣевъ говорилъ о себѣ. Это смѣло можно утверждать, ибо во время шествія на эшафотъ, когда сопровождавшій осужденныхъ священникъ Мысловскій сталъ ихъ утѣшать, то, обратясь къ нему, Рылѣевъ сказалъ: „прижми руку къ моему сердцу и скажи: бьется-ли оно сильнѣе обыкновеннаго?“

Взойдя на роковыя ступеньки, онъ же промолвилъ:

„Рылѣевъ умираетъ, какъ злодѣй,—да помнятъ его Россія“!

---

[1]) Достойно замѣчанія что Муравьевъ-Апостолъ и Бестужевъ-Рюминъ служили первопачально въ лейбъ-гвардіи Семеновскомъ полку.

Настало время, когда Россія должна проникнуть во всю глубину произнесенныхъ 80 лѣтъ тому назадъ словъ борца и мученика за ея свободу...

Приговоромъ Верховнаго Уголовнаго Суда процессъ декабристовъ еще не окончился. Изъ участниковъ возстанія Черниговскаго пѣхотнаго полка въ Петербургъ были доставлены только Муравьевъ-Апостолъ и Бестужевъ-Рюминъ, которые, какъ я уже говорилъ, и были тамъ повѣшены. Остальные офицеры были преданы суду аудиторіатскаго департамента, который и вынесъ имъ слѣдующій (дѣлаю буквальную выписку изъ всеподданнѣйшаго по этому дѣлу доклада) приговоръ:

„барона Соловьева, Сухинова и Мозалевскаго, какъ по злымъ дѣйствіямъ ихъ главныхъ сообщниковъ возмутителя Сергѣя Муравьева-Апостола, подлежащими смертной казни, а сообщниковъ Муравьева: Кузьмина, Щипиллу и Муравьева-Апостола (Ипполита), участвовавшихъ въ возмущеніи, но убитыхъ на мѣстѣ пораженія, изъ списковъ выключить, какъ измѣнниковъ, на могилахъ ихъ крестовъ и никакихъ памятниковъ не дѣлать, но, поставя висѣлицу, къ вѣчному ихъ посрамленію прибить подъ оною имена ихъ“.

Высочайшая конфирмація:

„барона Соловьева, Сухинова и Мозалевскаго поставить въ городѣ Васильковѣ при собраніи командъ 9 пѣхотной дивизіи подъ висѣлицу и потомъ отправить въ каторжную работу вѣчно. Къ той же висѣлицѣ прибить имена убитыхъ Кузьмина, Щипиллы и Муравьева-Апостола, какъ измѣнниковъ, по выключкѣ ихъ изъ списковъ“.

Все это и было продѣлано съ пунктуальною точностью.

Позвольте на одну минуту остановиться на дальнѣйшей судьбѣ Ивана Ивановича Сухинова. По прибытіи въ каторгу, этотъ человѣкъ не только не палъ духомъ, но задумалъ поднять возстаніе въ Сибири, начавъ его съ Зарентуйскаго рудника. Заговоръ былъ открытъ въ то время, когда въ немъ уже приняли участіе многія сотни лицъ.

Началось слѣдствіе, а затѣмъ и судъ, который приговорилъ Сухинова (значитъ, уже второй разъ въ его жизни) и его пятерыхъ товарищей,—на этотъ разъ уголовныхъ ссыльныхъ,—къ смертной казни. Приговоръ былъ направленъ въ Петербургъ и пока онъ оттуда возвратился, Сухиновъ повѣсился въ тюрьмѣ. Остальные 5 приговоренныхъ—Бочаровъ, Голиковъ, Бондаревъ, Птицынъ и Непомнящій были разстрѣляны.

Вы мнѣ позволите пройти мимо польскаго возстанія 1830 года, такъ какъ это вывело-бы меня далеко за предѣлы моей темы. Довольно вамъ сказать, что въ высочайшемъ манифестѣ отъ 4-го сентября 1834 года поименовано приговоренныхъ къ повѣшенію 249 лицъ, въ томъ числѣ и знаменитый польскій историкъ Іохимъ Лелевель,—и къ отсѣченію головы 9 лицъ,—въ числѣ ихъ и князь Адамъ Чарторыжскій. Такъ какъ всѣ эти лица укрылись уже въ это время за границу, то манифестъ замѣнялъ имъ смертную казнь пожизненнымъ изгнаніемъ изъ Россіи, предупреждая что, если кто-либо изъ нихъ явно или тайно появится въ предѣлахъ Россійской Имперіи, то съ нимъ будетъ поступлено „по всей строгости Полевого Уголовнаго Уложенія Дѣйствующей Арміи“.

Не буду я касаться и непрекращавшихся въ Польшѣ въ теченіе всего царствованія Николая Перваго попытокъ организовать тамъ новое возстаніе, за что поплатился жизнью на эшафотѣ далеко не одинъ только извѣстный Конарскій,—а перейду прямо къ приговору въ Петербургѣ въ 1849 году по дѣлу такъ называемыхъ Петрашевцевъ.

Излагать это дѣло такъ, какъ оно было въ дѣйствительности, я, конечно, не имѣю здѣсь возможности, но привести нѣсколько строкъ изъ опубликованнаго о немъ въ № 276 „Русскаго Инвалида“ за 1849 годъ правительственнаго сообщенія считаю необходимымъ.

Строки эти гласятъ:

„Пагубныя ученія, породившія смуты и мятежи

во всей Западной Европѣ и угрожающія ниспроверженіемъ всякаго порядка и благосостоянія народовъ, отозвались, къ сожалѣнію, въ нѣкоторой степени и въ нашемъ отечествѣ.

„Но въ Россіи, гдѣ Святая Вѣра, любовь къ Монарху и преданность къ Престолу основаны на природныхъ свойствахъ народа и доселѣ хранятся непоколебимо въ сердцѣ каждаго, только горсть людей, совершенно ничтожныхъ, большею частью молодыхъ и безнравственныхъ, мечтала о возможности попрать священнѣйшія права религіи, закона и собственности. Дѣйствія злоумышленниковъ могли бы только тогда получить опасное развитіе, если бы бдительность правительства не открыла зла въ самомъ началѣ".

Въ чемъ же выразились конкретныя дѣянія „злоумышленниковъ"?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ приговоръ:

Михаилъ Буташевичъ Петрашевскій: „за преступный замыселъ къ ниспроверженію существующаго въ Россіи государственнаго устройства, привлеченіе на бывшія у него сходбища разнаго рода, большею частью, молодыхъ людей, распространеніе между ними зловредныхъ идей богохуленіемъ, дерзкими словами противъ Священной Особы Государя Императора, превратнымъ толкованіемъ правительственныхъ мѣръ и порицаніемъ государственныхъ лицъ и, наконецъ, за покушеніе составить для той же цѣли тайное общество",—подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.

Николай Спѣшневъ.—„за злоумышленное намѣреніе произвести переворотъ въ общественномъ бытѣ Россіи въ отношеніи политическомъ и религіозномъ, за покушеніе для этой цѣли составить тайное общество и произнесеніе на собраніяхъ у Петрашевскаго рѣчей противъ религіи", подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.

Это главные „преступники". Далѣе идутъ гвардейскіе поручики Момбелли и Григорьевъ, гвардейскій капитанъ Львовъ, студентъ петербургскаго

университета Филипповъ, знаменитый впослѣдствіи писатель Ѳ. М. Достоевскій, Ахшарумовъ, Дуровъ, Ханыковъ, братья Дебу, Толль, Ястржембскій, Плещеевъ (извѣстный поэтъ), Кашкинъ, Головинскій, Пальмъ, Тимковскій, Европеусъ, Шапошниковъ,— всѣ, всѣ—къ смертной казни черезъ разстрѣляніе.

Головинскій, напр., приговоренъ къ этому наказанію „за возмутительные въ высшей степени разговоры противъ правительства на собраніяхъ у Петрашевскаго и Дурова"!..

Всѣмъ этимъ лицамъ смертная казнь была замѣнена другими наказаніями, но объ этомъ осужденные узнали только на эшафотѣ, когда они стояли тамъ уже въ саванахъ. Что пережили они за эти минуты, вы, конечно, знаете изъ сочиненій Ѳ. М. Достоевскаго.

Наступило новое царствованіе съ его якобы широкимъ реформаторскимъ размахомъ, но, увы, смертная казнь по политическимъ дѣламъ стала практиковаться еще шире, чѣмъ даже въ прежнія времена.

Я опять-таки не буду касаться того огромнаго количества жертвъ, которое поглотилъ эшафотъ во время польскаго возстанія 1863 года, а ограничусь тѣми же рамками, которыхъ держался я и въ моемъ предшествовавшемъ изложеніи.

17-го апрѣля 1861 года, т.-е. очень скоро послѣ крестьянской реформы, былъ преданъ суду схваченный въ селѣ Безднѣ, Казанской губерніи за обращенную къ крестьянамъ рѣчь о томъ, что вся земля должна принадлежать народу, крестьянинъ Антонъ Петровъ. Черезъ два дня онъ былъ разстрѣлянъ.

Въ слѣдующемъ же 1862 году были разстрѣляны офицеры Аргольдъ и Сливицкій и юнкеръ Ростковскій. За что? „За храненіе и распространеніе между нижними чинами брошюръ возмутительнаго содержанія". Неправда ли, какая знакомая, какъ часто повторявшаяся цѣлыя десятилѣтія формулировка?.. По этому же дѣлу былъ про-

гнанъ сквозь строй и забитъ до смерти рядовой Щуръ. Отмѣчая одновременное пролитіе крови интеллигентовъ и крестьянина въ солдатскомъ мундирѣ, Герценъ тогда же предсказывалъ, что изъ увлаженной этой кровью земли взойдутъ не тѣ всходы, которыхъ добивалось правительство.

За подобную же вину былъ приговоренъ къ разстрѣлянію въ томъ же году подполковникъ Красовскій. Ему смерть была замѣнена каторгой.

Въ слѣдующемъ 1863 году къ разстрѣлянію былъ приговоренъ офицеръ Ушаковъ; приговоренъ онъ былъ, какъ сказано въ № 34 „Сенатскихъ Вѣдомостей“ за 1863 годъ, „за распространеніе вредныхъ идей между фабричными рабочими посредствомъ чтенія и передачи имъ сочиненій возмутительнаго содержанія съ преступною цѣлью возбужденія ихъ противъ правительства“.

Вотъ съ какого времени стала уже вестись пропаганда среди рабочихъ. Она имѣетъ за собою почтенный возрастъ свыше 40 лѣтъ.

Ушакову смертная казнь была также замѣнена каторгой.

Въ 1864 году въ Казани разсматривалось дѣло о такъ называемомъ „казанскомъ заговорѣ“. По этому дѣлу 6-го іюня того же года въ Казани были разстрѣляны штабсъ-капитанъ Иваницкій, поручикъ Мрочекъ, подпоручикъ Станкевичъ и дворянинъ Кеневичъ.

Скрывшійся было по этому дѣлу офицеръ Чернякъ былъ арестованъ въ слѣдующемъ году и разстрѣлянъ въ Вильнѣ.

4-го апрѣля 1866 года Дмитрій Каракозовъ выстрѣлилъ въ императора Александра II. 3-го сентября того же года Каракозовъ былъ повѣшенъ.

Началось дѣло такъ называемыхъ „Каракозовцевъ“. По этому дѣлу къ повѣшенію былъ приговоренъ Ишутинъ. Смерть была замѣнена каторгой, но лишь на эшафотѣ, послѣ того, какъ надъ нимъ былъ продѣланъ весь обрядъ казни.

Здѣсь начинается пауза. Революціонное движеніе 70-хъ годовъ подавлялось правительствомъ со

страшною и, поистинѣ, безсмысленною жестокостью: за передачу крестьянину брошюрки въ родѣ „Хитрой Механики“, представляющей собою переложеніе рѣчи Лассаля о косвенныхъ налогахъ, люди посылались въ каторгу, запирались въ каменные мѣшки централокъ, томились цѣлые годы въ крѣпостяхъ и, въ лучшемъ случаѣ, высылались безъ всякаго суда и безъ всякаго назначенія срока въ Сибирь; но смертныхъ казней до 1878 года не было. Первая казнь совершена была въ Одессѣ 2-го августа 1878 года надъ Иваномъ Мартыновичемъ Ковальскимъ, приговореннымъ къ разстрѣлянію за вооруженное сопротивленіе жандармамъ.

Затѣмъ количество смертныхъ казней чрезвычайно усилилось послѣ совершеннаго Соловьевымъ 2-го апрѣля 1879 года покушенія на жизнь Александра II. Немедленно послѣ этого въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ были учреждены генералъ-губернаторства, а существовавшимъ и до того времени генералъ-губернаторамъ кіевскому, московскому и варшавскому были предоставлены новыя полномочія.

Началась черная дѣятельность военныхъ судовъ, приговоры которыхъ стали утверждаться генералъ губернаторами. Имена Гурко, Черткова и Тотлебена спорили въ кровавой славѣ съ именами турецкихъ пашей.

Уже 20-го апрѣля въ Петербургѣ былъ повѣшенъ офицеръ Дубровинъ. Почти одновременно съ тѣмъ въ Кіевѣ были приговорены къ разстрѣлянію Бранднеръ, Антоновъ (настоящая его фамилія Свириденко), Валерьянъ Осинскій и Софья Лешернъ. Чертковъ замѣнилъ Лешернъ казнь вѣчной каторгой, замѣнивши вмѣстѣ съ тѣмъ троимъ осужденнымъ мужчинамъ разстрѣляніе повѣшеніемъ. 14 мая Бранднеръ, Антоновъ и Осинскій были повѣшены.

„Наше дѣло,—писалъ Осинскій своимъ друзьямъ въ письмѣ, опубликованномъ въ „Листкѣ Земли и Воли“,—н е м о ж е т ъ (курсивъ подлинника) никогда погибнуть, и эта-то увѣренность и заставля-

етъ насъ съ такимъ презрѣніемъ относиться къ вопросу о смерти".

18 іюня въ Кіевѣ же повѣшены Горскій, Бильчанскій и Федоровъ (настоящая фамилія Гобстъ).

„Да здраствуетъ революція!"—крикнулъ на эшафотѣ Бильчанскій и высоко подбросилъ вверхъ свою шапку.

Не отставалъ отъ своего кіевскаго коллеги и одесскій Тотлебенъ.

5 августа одесскій военно-окружной судъ приговорилъ къ повѣшенію сразу пять человѣкъ: Чубарова, Лизогуба, Давиденко, Виттенберга и Логовенко. Тотлебенъ утвердилъ приговоръ, и первые трое были повѣшены 10 августа въ Одессѣ, а Виттенбергъ и Логовенко были отвезены въ Николаевъ и тамъ повѣшены на слѣдующій день. Все хотѣли страху нагнать: дѣло въ томъ, что Логовенко былъ матросомъ расположеннаго въ Николаевѣ черноморскаго экипажа (по этому дѣлу матросовъ привлекалось много), а Виттенбергъ—однимъ изъ пропагандистовъ среди матросовъ. Вотъ и рѣшили казнить ихъ въ Николаевѣ на страхъ матросамъ, да только не зналъ Тотлебенъ, съ какими людьми онъ имѣетъ дѣло. На личностяхъ Лизогуба и Виттенберга лежала особая, какъ любилъ выражаться Герценъ, печать помазанія. Первый —милліонеръ аскетъ, отдавшій состояніе и жизнь дѣлу народнаго освобожденія и умершій, по свидѣтельству очевидцевъ, съ улыбкою на устахъ, второй... но пусть его образъ явится предъ вами въ напечатанныхъ въ № 1 „Народной Воли" его собственныхъ двухъ, письмахъ, написанныхъ имъ наканунѣ казни:

1) Къ товарищамъ:

Мои друзья! Мнѣ, конечно, не хочется умереть, и сказать, что я умираю охотно, было-бы съ моей стороны ложью, но это послѣднее обстоятельство пусть не бросаетъ тѣни на мою вѣру и стойкость моихъ убѣжденій; вспомните, что самымъ высшимъ примѣромъ человѣколюбія и самопожертвованія

былъ, безъ сомнѣнія, Спаситель: однако, и онъ молился: „и да минуетъ меня чаша сія“. Слѣдовательно, какъ могу и я не молиться о томъ же? Тѣмъ не менѣе и я, подобно ему, говорю себѣ: если иначе нельзя, или для того, чтобы восторжествовалъ соціализмъ (курсивъ подлинника), необходимо, чтобы пролилась кровь моя; если переходъ изъ настоящаго строя въ лучшій невозможенъ иначе, какъ только перешагнувши черезъ наши трупы, то пусть наша кровь проливается, пусть она падетъ искупленіемъ на пользу человѣчества; а что наша кровь послужитъ удобреніемъ для той почвы, на которой взойдетъ сѣмя соціализма, что соціализмъ восторжествуетъ и восторжествуетъ скоро, это моя вѣра! Тутъ опять вспоминаю слова Спасителя: „истинно говорю вамъ, что многіе изъ находящихся здѣсь не вкусятъ смерти, какъ настанетъ царствіе небесное“,—я въ этомъ убѣжденъ, какъ убѣжденъ, въ томъ, что земля движется. И когда я взойду на эшафотъ и веревка коснется моей шеи, то послѣдняя моя мысль будетъ: „а все-таки она движется, и никому въ мірѣ не остановить ея движенія!“

2) Спеціальное посланіе къ ***.

Если ты придаешь какое-либо значеніе моей волѣ, если считаешь священнымъ мое послѣднее желаніе, то оставь всякую мысль о мести: „прости имъ, не знаютъ бо, что творятъ“. Это также знаменіе времени: умъ ихъ помутился, они видятъ, что скоро настанетъ другое время, и не знаютъ, какъ отвратить его. Еще разъ прошу тебя, оставь всякую мысль о мести. Виттенбергъ.

Могутъ ли добавить что-нибудь наши комментаріи къ этимъ строкамъ?...

7 декабря того же года и въ той же Одессѣ были повѣшены Малинка, Дробязгинъ, и Майданскій. Еще до того въ Петербургѣ былъ повѣшенъ

Соловьевъ и приговоренъ къ повѣшенію Мирскій [1]). Послѣднему смертная казнь была замѣнена вѣчной каторгой.

Въ 1880 году дѣло обстояло по прежнему: 5 марта въ Кіевѣ были повѣшены Розовскій и Лозинскій. Розовскій былъ признанъ виновнымъ буквально лишь въ томъ, что хранилъ у себя нѣсколько прокламацій. Къ тому же онъ былъ несовершеннолѣтній. И, тѣмъ не менѣе, онъ былъ повѣшенъ. Это тѣ самые Лозинскій и Розовскій, которыхъ Левъ Толстой выводитъ подъ ихъ собственными фамиліями (съ нѣкоторыми, однако, невѣрностями) въ романѣ „Воскресенье“.

Въ Кіевѣ же были приговорены къ смерти Михаилъ Поповъ и Игнатъ Ивановъ. Смерть была замѣнена каторгой. Оба они были отправлены на Кару, а затѣмъ были перевезены въ Шлиссельбургъ; тамъ Ивановъ впалъ въ душевное разстройство, а Поповъ послѣ 22 лѣтняго пребыванія въ Шлиссельбургѣ освобожденъ только на-дняхъ.

Въ Петербургѣ также шли казни: 22 февраля Лорисъ-Меликовымъ повѣшенъ Млодецкій, а затѣмъ приговорены къ смерти Сабуровъ (настоящая фамилія Оболешевъ) и Адріанъ Михайловъ. Смерть замѣнена вѣчною каторгою. Осенью петербургскій военно-окружный судъ приговорилъ къ повѣшенію сразу пять человѣкъ: интеллигентовъ Квятковскаго и Ширяева и рабочихъ Прѣснякова, Тихонова и Окладскаго. Ширяеву, Тихонову и Окладскому смертная казнь была замѣнена каторгой, а Квятковскій и Прѣсняковъ 4 ноября были повѣшены.

На ихъ смерть у революціоннаго поэта вылилось извѣстное стихотвореніе, начинающееся словами:

И опять палачи!.. Сердца крикъ замолчи!..
Снова въ петляхъ качаются трупы,
На мученья бойцовъ, нашихъ лучшихъ сыновъ
Смотрятъ массы безжизненно тупы.

---

[1]) Этотъ Мирскій недавно второй разъ былъ приговоренъ къ повѣшенію въ Читѣ.

Весь этотъ свирѣпый бѣлый терроръ не остановилъ дѣятельности революціонеровъ: совершилось событіе 1 марта 1881 года.

По этому дѣлу къ повѣшенію были приговорены Желябовъ, Тимофей Михайловъ, Кибальчичъ, Рысаковъ и двѣ женщины: Софья Перовская и Гесся Гельфманъ. Послѣдняя, какъ находившаяся въ то время въ состояніи беременности, казнена не была (она умерла затѣмъ въ домѣ предварительнаго заключенія), а Перовская 3 апрѣля 1881 года раздѣлила на эшафотѣ участь своихъ четверыхъ товарищей-мужчинъ.

Въ Кіевѣ въ томъ же году былъ приговоренъ къ смерти Щедринъ. Смерть ему была замѣнена вѣчной каторгой и его отправили на Кару. Въ Иркутскѣ, узнавъ про неописуемо издѣвательское обращеніе тюремнаго инспектора Соловьева съ политическими каторжанками, Щедринъ далъ ему пощечину. За это его снова приговорили къ смерти, которая ему была замѣнена,—но чѣмъ? Прикованіемъ къ тачкѣ! Затѣмъ Щедринъ былъ перевезенъ въ Шлиссельбургъ, гдѣ впалъ въ душевное разстройство.

Въ Иркутскѣ же за убійство, во время попытки къ побѣгу, тюремнаго надзирателя былъ повѣшенъ Легкій.

Въ Петербургѣ за покушеніе на жизнь Черевина былъ приговоренъ къ смерти Саньковскій. Смерть замѣнена каторгой.

Въ 1882 году въ Петербургѣ были приговорены къ повѣшенію сразу десять человѣкъ и въ ихъ числѣ двѣ женщины: Александръ Михайловъ, Колоткевичъ, Фроленко, Исаевъ, Емельяновъ, Лангансъ, Тетерка, Сухановъ, Татьяна Лебедева и Анна Якимова. По поводу этого приговора написалъ замѣчательное письмо Викторъ Гюго. Передъ зданіемъ русскаго посольства въ Парижѣ произошла демонстрація.

Всѣмъ осужденнымъ смертная казнь была замѣнена вѣчной каторгой, за исключеніемъ Суханова, котораго, какъ военнослужащаго (онъ былъ

лейтенантъ флота), Александръ III приказалъ разстрѣлять, что и было приведено въ исполненіе въ Кронштадтѣ. Остальные почти всѣ были заключены въ Шлиссельбургъ. Изъ нихъ дожилъ до нашихъ дней одинъ только М. Ф. Фроленко. Съ нимъ вмѣстѣ вышелъ, впрочемъ, изъ Шлиссельбургской могилы и Н. А. Морозовъ, приговоренный по тому же дѣлу къ безсрочной каторгѣ.

Въ Петербургѣ же были приговорены къ повѣшенію, по подозрѣнію въ убійствѣ шпіона Прейма, Нагорный и Евсѣевъ. Смерть замѣнена каторгой.

Въ Саратовѣ былъ приговоренъ къ повѣшенію Поливановъ. Просидѣвши 20 лѣтъ въ Шлиссельбургѣ, онъ былъ отправленъ въ Сибирь. Оттуда онъ бѣжалъ за границу. Тамъ онъ, къ несчастью, застрѣлился.

Въ томъ же году за убійство военнаго прокурора Стрѣльникова въ Одессѣ были повѣшены,—оба подъ чужими именами,—бывшій студентъ Желваковъ и рабочій Халтуринъ. Это былъ тотъ самый Халтуринъ, котораго власти давно уже розыскивали по обвиненію во взрывѣ зимняго дворца, тотъ самый Халтуринъ, который еще въ 1879 году основалъ въ Петербургѣ „Сѣверный Союзъ русскихъ рабочихъ“ съ сотнями членовъ.

1883 годъ начался приговоромъ въ Читѣ къ повѣшенію Маріи Кутитонской, выстрѣлившей въ забайкальскаго губернатора Ильяшевича, отличившагося личнымъ руководительствомъ при звѣрскомъ избіеніи политическихъ каторжанъ на Карѣ. Смерть была замѣнена каторгой. Кутитонская умерла въ иркутской тюрьмѣ.

Затѣмъ въ Петербургѣ были приговорены къ повѣшенію Богдановичъ, Буцевичъ, Грачевскій, Теллаловъ и Златопольскій. Всѣ они вмѣсто казни были заключены въ застѣнкѣ Петропавловской и Шлиссельбургской крѣпостей и тамъ всѣ до единаго сложили свои кости.

Въ томъ же году за пощечину, данную генералъ-губернатору Восточной Сибири Анучину, разстрѣлянъ въ Иркутскѣ учитель гимназіи Неустроевъ.

Необходимо прибавить, что около этого-же времени въ Шлиссельбургѣ были разстрѣляны сначала Минаковъ, а потомъ Мышкинъ. Напомню вамъ, что Ип. Ник. Мышкинъ былъ знаменитый въ свое время революціонеръ, прославившійся, между прочимъ, отважною попыткою освободить изъ Вилюйска Якутской области (для чего онъ переодѣлся въ мундиръ жандармскаго офицера) Чернышевскаго и замѣчательной, много разъ переиздававшейся и заграницей, и въ нелегальныхъ типографіяхъ въ Россіи, рѣчью, произнесенною имъ на судѣ во время процесса 193-хъ.

Въ 1884 году въ Петербургѣ опять были приговорены къ повѣшенію сразу 8 человѣкъ,— шесть офицеровъ и двѣ женщины: Рогачевъ, баронъ Штромбергъ, Ашенбренеръ, Похитоновъ, Тихоновичъ, Ювачевъ, Вѣра Ник. Фигнеръ и Людмила Ал. Волькенштейнъ. Изъ этихъ лицъ Рогачевъ и Штромбергъ были повѣшены въ Шлиссельбургѣ, а остальные заключены туда же. Тамъ Тихановичъ умеръ, Похитоновъ лишился разсудка и затѣмъ тоже умеръ въ больницѣ для умалишенныхъ. Остальные, къ счастью, дожили до лучшихъ дней [1]).

Въ 1885 году въ Харьковѣ повѣшенъ Лисянскій, а въ Ростовѣ на-Дону приговоренъ къ повѣшенію и затѣмъ заключенъ въ Шлиссельбургъ Манучаровъ.

Въ концѣ того же года въ Варшавѣ были приговорены къ повѣшенію 6 человѣкъ: мировой судья Бардовскій (русскій), офицеръ Люри (русскій), бывшій студентъ Куницкій и рабочіе: Шмаусъ, Петрусинскій и Оссовскій (всѣ четверо поляки).

Въ январѣ 1886 г. смертная казнь Люри и Шмаусу была замѣнена каторгою, а Бардовскій, Куницкій, Оссовскій и Петрусинскій были повѣшены.

Въ томъ же году въ Варшавѣ же былъ повѣ-

---

[1]) Л. А. Волькенштейнъ была сражена вражескою пулею во время народной демонстраціи во Владивостокѣ 10 января 1906 г. и умерла, такимъ образомъ, стоя на своемъ посту.

шенъ рабочій Ковалевскій. Не только объ его процессѣ, но и о самомъ фактѣ казни правительство не опубликовало ни строки.

Въ 1887 году въ Петербургѣ были приговорены къ повѣшенію Лопатинъ, Салова, Сергѣй Ивановъ, Стародворскій, Канашевичъ, Сухомлиновъ и находящійся въ этой залѣ среди насъ Петръ Филипповичъ Якубовичъ [1]). Удѣломъ нѣсколькихъ изъ осужденныхъ сталъ по обыкновенію Шлиссельбургъ. Канашевичъ впалъ тамъ въ душевное разстройство и находится до сихъ поръ въ психіатрической лечебницѣ въ Казани, Лопатинъ и Стародворскій выпущены на свободу лишь послѣ 17 октября 1906 года.

Въ маѣ того же года въ Шлиссельбургѣ были повѣшены осужденные по дѣлу 1-го марта 1887 года: Генераловъ, Осипановъ, Ульяновъ, Андреюшкинъ и Шевыревъ.

9 декабря особымъ присутствіемъ Прав. сената были приговорены къ повѣшенію Акимъ Сигида, Александринъ, Петровскій и донской казачій офицеръ Черновъ. Смерть была замѣнена имъ безсрочной каторгой.

Въ 1888 г. былъ приговоренъ къ смерти и затѣмъ заключенъ въ Шлиссельбургъ Оржихъ.

Въ 1889 году въ Якутскѣ за вооруженное сопротивленіе властямъ были повѣшены Зотовъ-Коганъ-Бернштейнъ и Гаусманъ. Я былъ въ Якутской области въ то время, и мнѣ, какъ и многимъ другимъ, хорошо извѣстно, что тутъ было совершено вопіющее беззаконіе даже съ формальной точки зрѣнія. Если Николай Львовичъ Зотовъ стрѣлялъ въ офицера Карамзина и вице-губернатора Осташкина, чего онъ вовсе и не скрывалъ на допросахъ, то Левъ Матвѣевичъ Коганъ-Бернштейнъ и Альбертъ Львовичъ Гаусманъ **совсѣмъ не стрѣляли**. Но первый подавалъ, по крайней мѣрѣ, голосъ за вооруженное сопротивленіе;

---

[1]) П. Я. и Л. Мельшинъ—литературные псевдонимы П. Ф. Якубовича.

что же касается Гаусмана, то онъ былъ все время противъ вооруженнаго сопротивленія, стрѣлять и не думалъ, а между тѣмъ онъ былъ признанъ виновнымъ въ стрѣльбѣ и повѣшенъ... Совершена ужаснѣйшая, непоправимая „юридическая ошибка!..“ Ко всему этому надо прибавить, что раненый въ ноги двумя солдатскими пулями, Коганъ-Бернштейнъ не могъ послѣ этого подыматься на ноги и былъ принесенъ на эшафотъ на кровати!!...

Тѣло Зотова было зарыто „въ чистомъ полѣ“. Тѣла Когана-Бернштейна и Гаусмана, по настоянію еврейскаго раввина, были ему выданы и погребены на еврейскомъ кладбищѣ. Товарищи-ссыльные положили на могилы каменныя плиты съ высѣченными на нихъ словами изъ Евангелія: „больше сія любви никто же иматъ, да кто душу свою положитъ за други своя“. Однако, власти вскорѣ приказали уничтожить на могильныхъ плитахъ эти слова. Явились каменотесы и молотками истребили надписи. Мотивировалась эта мѣра тѣмъ, что „неприлично помѣщать изреченіе изъ Евангелія на могилахъ евреевъ“...

Новая страница въ исторіи кровавыхъ репрессій была открыта казнью Балмашева, совершенною въ Шлиссельбургѣ.

За Балмашевымъ послѣдовалъ Лекертъ, казненный въ Вильнѣ.

Затѣмъ въ Харьковѣ былъ приговоренъ къ смерти Качуръ, — вы знаете его дальнѣйшую судьбу.

Далѣе послѣдовалъ смертный приговоръ Гершуни и Мельникову [1]).

Но самымъ кровавымъ годомъ является, конечно, текущій 1905-й.

Въ мартѣ текущаго года въ Варшавѣ былъ приговоренъ къ повѣшенію крестьянинъ Пиляшекъ. Смерть замѣнена каторгою.

---

[1]) Они вывезены изъ Шлиссельбурга лишь въ самое послѣднее время.

5 апрѣля въ Москвѣ приговоренъ къ повѣшенію за убійство великаго князя Сергѣя Александровича Иванъ Коляевъ.

Казнь совершена 10 мая все въ томъ же мрачномъ Шлиссельбургѣ.

31 мая въ Двинскѣ былъ приговоренъ къ повѣшенію обвинявшійся въ покушеніи на убійство пристава Еремина 19-лѣтній Дейчъ. Смерть замѣнена каторгой.

6 іюня въ томъ же Двинскѣ былъ приговоренъ къ повѣшенію обвинявшійся въ покушеніи на убійство помощника полицеймейстера Булыгина Маньковскій. Дѣло пересматривалось и при вторичномъ его разсмотрѣніи Маньковскій былъ оправданъ. Чуть было не произошла такимъ образомъ „юридическая ошибка“.

11 іюня въ Варшавѣ былъ приговоренъ къ повѣшенію обвинявшійся въ бросаніи бомбы въ полицейское управленіе рабочій Окржея. Несмотря на несовершеннолѣтіе Окржеи, онъ былъ повѣшенъ.

Вскорѣ послѣ этого въ Варшавѣ же былъ приговоренъ къ повѣшенію обвинявшійся въ покушеніи на жизнь городового Давидъ Краузе. Черезъ нѣсколько дней Краузе былъ повѣшенъ.

15 іюня въ Петербургѣ приговоренъ къ повѣшенію за убійство околодочнаго надзирателя Каволина 20-лѣтній рабочій Васильевъ. Вскорѣ Васильевъ былъ повѣшенъ въ Шлиссельбургѣ.

Около этого же времени въ Варшавѣ былъ приговоренъ къ повѣшенію обвинявшійся въ нанесеніи раны городовому 20-лѣтній рабочій Комаровскій. Смерть замѣнена каторгой.

Почти одновременно съ тѣмъ въ Петербургѣ былъ приговоренъ къ повѣшенію за вооруженное сопротивленіе Гершковичъ. Онъ повѣшенъ въ Шлиссельбургѣ вмѣстѣ съ Васильевымъ.

Въ іюнѣ же въ Житомірѣ былъ приговоренъ къ повѣшенію за убійство пристава Куярова Сидорчукъ. Смерть замѣнена каторгой.

Вслѣдъ затѣмъ въ Варшавѣ былъ приговоренъ

къ смерти и повѣшенъ 65-лѣтній старикъ Каспржакъ.

Тогда же въ Двинскѣ былъ приговоренъ къ повѣшенію обвинявшійся въ покушеніи на убійство пристава Курляндскаго Персинъ. Смерть замѣнена каторгой.

23 іюля въ Москвѣ былъ приговоренъ къ повѣшенію за убійство градоначальника гр. Шувалова Куликовскій. Смерть замѣнена каторгой.

2 августа въ Петербургѣ былъ приговоренъ къ повѣшенію за убійство въ Выборгѣ жандармскаго подполковника Крамаренко финляндецъ Прокопе. Смерть замѣнена каторгой.

12 августа въ Нижнемъ-Новгородѣ за убійство начальника охраннаго отдѣленія Грешнера былъ повѣшенъ Никифоровъ.

24 августа въ Севастополѣ разстрѣляны четыре матроса съ броненосца „Прутъ“: Петровъ, Титовъ, Адаменко и Черный.

Вскорѣ послѣ этого разстрѣляны еще два матроса съ „Георгія Побѣдоносца“: Дейнега и Кошуба.

Около этого же времени въ Одессѣ за покушеніе на убійство „агента охраннаго отдѣленія“ былъ приговоренъ къ повѣшенію Алешкеръ. Смерть замѣнена каторгой.

16 сентября въ Нѣжинѣ за покушеніе на убійство пристава Крещановскаго былъ приговоренъ къ повѣшенію 20-лѣтній Абрамъ Лаго. Смерть замѣнена каторгой.

21 сентября въ Варшавѣ былъ приговоренъ къ повѣшенію обвиняемый въ убійствѣ казака Лукова Орыма. 30 сентября Орыма былъ повѣшенъ.

Таковъ текущій, по истинѣ, кровавый годъ. Но вы, быть можетъ, ожидаете отъ меня итоговъ всего развернутаго мною передъ вами кроваваго синодика. Я этого дѣлать не буду. Зачѣмъ тутъ итоги, зачѣмъ мертвыя статистическія выкладки? Живое чувство возмущенія, которое несомнѣнно испытываете въ эту минуту вы всѣ противъ тѣхъ, кто въ теченіе цѣлаго столѣтія систематически проливалъ кровь борцовъ за свободу, и гнѣвный

протестъ противъ самой возможности дальнѣйшаго существованія смертной казни,— да будутъ результатомъ и итогомъ нашего сегодняшняго митинга.

Но не забудемъ при этомъ и тѣхъ, кто продолжаетъ и понынѣ томиться въ крѣпостяхъ и тюрьмахъ. Подъ давленіемъ революціи правительство уже многихъ амнистировало, но амнистія эта все еще далеко не полная. Я называлъ вамъ имена Гершуни и Мельникова. Къ нимъ надо прибавить имена Карповича, Сазонова и Сикорскаго. Эти имена всѣмъ извѣстны, но, конечно, не объ однихъ только ихъ идетъ рѣчь. Надъ Россіей занялась заря свободы. Она обязываетъ насъ напречь всѣ силы, дабы возвратить свободѣ в с ѣ х ъ, кто трудился и боролся во имя ея. Отмѣна смертной казни и амнистія, амнистія безъ всякихъ исключеній, ограниченій и изъятій,—вотъ что должно стать лозунгомъ данной минуты!

В. Богучарскій.

Отъ шлиссельбургскаго комитета.

I.

8-го января 1906 года Шлиссельбургская государственная тюрьма перестала существовать. Неизвѣстно, правда, какая судьба ожидаетъ пятерыхъ еще томившихся тамъ заключенныхъ (Карповича, Гершуни, Мельникова, Сазонова и Сикорскаго), но страшный призракъ мрачнаго застѣнка отходитъ, во всякомъ случаѣ, въ исторію, вмѣстѣ съ такъ долго губившимъ Россію принципомъ народнаго безправія и правительственнаго самовластія.

Конечно, забыть Шлиссельбургъ Россія не можетъ и не должна. Какъ въ фокусѣ, въ немъ сосредоточились всѣ ужасы, всѣ муки, всѣ жертвы,

какими отмѣчено русское освободительное движеніе, начиная съ Новикова и декабристовъ и кончая героями послѣднихъ дней. Шлиссельбургъ былъ мѣстомъ заточенія, пытокъ и казней лучшихъ, энергичнѣйшихъ борцовъ за счастье народа. Могучая угроза въ рукахъ самодержавія,—въ глазахъ тѣхъ, кому дороги честь и свобода родины,—онъ всегда былъ эмблемой великой душевной красоты, великаго гражданскаго подвига. Это былъ какъ бы почетный боевой постъ, на которомъ, въ ожиданіи вѣрной гибели, безтрепетно стоялъ авангардъ революціи...

Увидимъ ли мы, живущее поколѣніе, тотъ грандіозный національный памятникъ, какимъ Россія почтитъ в с ѣ х ъ своихъ героевъ мучениковъ, страдавшихъ и погибшихъ на эшафотахъ, въ тюрьмахъ въ рудникахъ и тундрахъ Сибири, въ мрачныхъ тайникахъ Петропавловки и Шлиссельбурга? Какъ бы то ни было, нѣкоторые изъ этихъ страдальцевъ какимъ то чудомъ уцѣлѣвшіе послѣ двухъ десятковъ лѣтъ пребыванія въ ужасной шлиссельбургской могилѣ, еще живутъ среди насъ (ихъ 22 человѣка, не считая упомянутыхъ выше пятерыхъ), и чувство благоговѣйнаго удивленія, которое они намъ внушаютъ, не находитъ себѣ достаточнаго удовлетворенія въ болѣе или менѣе далекой мечтѣ... Такъ страстно хочется теперь же, сейчасъ же дать ему посильное выраженіе! Вѣдь это не мертвыя имена, въ честь которыхъ потомки воздвигаютъ обыкновенно монументы,—это живые, дорогіе всѣмъ намъ люди! Не отвлеченный долгъ, а требованіе непосредственнаго чувства побуждаетъ сдѣлать все возможное для того, чтобы, по крайней мѣрѣ, оградить этихъ изстрадавшихся людей отъ новыхъ житейскихъ невзгодъ и ударовъ.

Такова идея, легшая въ основаніе Шлиссельбургскаго комитета.

Одна изъ первыхъ предстоящихъ ему задачъ—озаботиться сборомъ денежныхъ средствъ для составленія постояннаго шлиссельбургскаго фонда.

Съ этой цѣлью комитетомъ намѣчены слѣдующія мѣры: 1) пожертвованія, въ сборѣ которыхъ желательно участіе самыхъ широкихъ круговъ населенія; 2) спеціальныя изданія портретныхъ галлерей, книгъ и брошюръ; 3) литературные вечера и концерты.

Избранный первоначально „Союзомъ союзовъ", Шлиссельбургскій комитетъ состоитъ въ настоящее время изъ слѣдующихъ лицъ:

Предсѣдатель—В. И. Семевскій (Васильевскій Остр., 2 л., д. 11).

Товарищъ Предсѣдателя—П. Ф. Якубовичъ (Л. Мельшинъ. Ст. Удѣльная, Финл. ж. д.).

Секретарь—В. Я. Яковлевъ-Богучарскій (Редакція жур. „Былое". Спасская ул., 25.)

Казначей—Н. Х. Анненскій (Троицкая ул., д. 11, кв. 22).

Члены: Ф. Д. Батюшковъ, В. Л. Бурцевъ, П. И. Вейнбергъ, С. А. Венгеровъ, В. П. Водовозова, В. В. Водовозовъ, Е. Н. Водовозова-Семевская, А. С. Зарудный, Д. А. Клеменцъ, В. Ф. Коммисаржевская, В. Г. Короленко, Н. С. Кудринъ, Л. П. Купріянова, П. Н. Милюковъ, Б. А. Мякотинъ, Л. Ф. Пантелѣевъ, В. А. де-Планссонъ, А. С. Пругавинъ, Н. А. Римскій-Корсаковъ, И. Е. Рѣпинъ, М. П. Сажинъ, кн. Г. Д. Сидамоновъ-Эристовъ, Л. Н. Стахевичъ, О. Н. Флоровская Л. Э. Шишко, П. Е. Щеголевъ, С. А. Щепотьевъ.

Пожертвованія просятъ направлять на имя казначея, а всякаго рода сообщенія и запросы—посылать на имя предсѣдателя комитета, его товарища или секретаря по вышеуказаннымъ ихъ адресамъ.

II.

Одною изъ своихъ очередныхъ задачъ Шлиссельбургскій комитетъ поставилъ изданіе альбома, по возможности, всѣхъ лицъ, когда либо томив-

шихся въ Шлиссельбургской крѣпости, отъ Новикова до Сазонова и Сикорскаго. Портреты эти будутъ снабжены краткими біографіями узниковъ. Комитетъ собралъ уже значительное количество необходимыхъ для этой цѣли портретовъ, но многихъ еще недостаетъ. Труднѣе всего, конечно, достать портреты узниковъ, томившихся въ Шлиссельбургѣ въ царствованіе Николая Перваго (Тюринъ, Поповъ, Вас. Критскій Олейничукъ, Соколовскій, Ибаевъ и др.), но недостаетъ также и нѣкотораго количества портретовъ шлиссельбуржцевъ эпохи 1884—1905 года. (Исаевъ, Тихоновичъ, Немоловскій, Игнатъ Ивановъ, Ник. Рогачевъ, Генераловъ, Чепегинъ и Васильевъ). Комитетъ проситъ лицъ, владѣющихъ портретами перечисленныхъ узниковъ, доставить ему ихъ для воспроизведенія, послѣ чего, по желанію владѣльцевъ, портреты будутъ немедленно возвращены по принадлежности. Комитетъ проситъ также доставить ему біографическія свѣдѣнія не только о перечисленныхъ узникахъ, но и обо всѣхъ шлиссельбуржцахъ,—причемъ чѣмъ полнѣе, тѣмъ лучше. Всѣ эти предметы могутъ быть направляемы секретарю комитета, по адресу: Петербургъ, редакція журнала „Былое“, Спасская улица, 25 кв. 20. Василію Яковлевичу Яковлеву-Богучарскому. (Просятъ посылать заказными). Весь сборъ отъ продажи сборника-альбома поступитъ въ пользу шлиссельбуржцевъ.

Предсѣдатель комитета В. Семевскій.

Секретарь В. Богучарскій.

ИЗДАНІЯ ИСТОРИЧЕСКАГО ОТД.

25. **Проф. Алекс. Сем. Трачевскій.**—Крестьянскія войны въ Германіи и мюнстерская коммуна.

26—30. **Левъ Мовичъ.**—Великое учредительное собраніе 1789 года. (Изданіе второе).

Въ дальнѣйшемъ книгоиздательство имѣетъ въ виду давать кромѣ оригинальныхъ, также переводныя книги и брошюры

по исторіи и исторіи культуры.

РАНѢЕ ВЫШЕДШІЯ ИЗДАНІЯ:

1. **Рѣчь Робеспьера.** Всеобщая подача голосовъ со введеніемъ **С. Н. Южакова.**
2. **Левъ Мовичъ.**—Стачки раб. въ Зап. Евр.
3. Распродано.
4. **Сійесъ.**—Что такое третье сословіе?—со введеніемъ **В. Я. Богучарскаго.**
5. **Еллинекъ.**—Конституціи, ихъ ист. и знач. въ современномъ правѣ.
6. **Левъ Мовичъ.**—Война и ея будущее.
7. „Въ грозу"; сбор. стих. Собр. **Л. М. Василевскій.**
8. **Каутскій.**—Соц.-дем. аграр. полит.
9. **Штернъ.**—Популяр. изл. „Истор. матер." и „Теоріи прибав. стоим." Маркса.
10. **Левъ Мовичъ.**—Права чел. и гражданина.
11—15. **А. Менгеръ.**—Новое ученіе о государствѣ, полный перев. (5 №№ соед.). Перев. Р. Марковичъ.

Цѣна каждаго № 10 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. т-ва „Общ. Польза", В. Подъяч., с. д. 39.
1906.

Книгоиздательство ГОЛОСЪ

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ: С.-Петербургъ, Ямская, д. № 22.

Справочная книга соціалиста

(Handbuch des Socialismus).

ГУГО и ШТЕГМАНА.

Полный перев. съ нѣмец. подъ ред. **В. Я. Богучарскаго и Л. З. Марковича,** около 1000 стр. убор. печ. б. фор. Въ двухъ самостоят. томахъ, ц. 3 руб. Въ двухъ изящныхъ коленк. перепл. съ зол. тисненіемъ на 1 р. 20 к. дороже. Каждый томъ отдѣльно 1 р. 50 к., въ перепл. 2 р. 10 к.

Согласно предисловію редакціи къ 1-му тому, книгоиздательство предпринимаетъ изданіе т. III (дополнительнаго), въ который войдутъ недостающія въ нѣмецк. оригиналѣ свѣдѣнія. Томъ этотъ будетъ состоять изъ самост. и **оригинальныхъ** статей, написанныхъ спеціалистами. О выходѣ этого тома будетъ объявлено особо.

НОВЫЯ КНИГИ:

Альбомъ главнѣйшихъ дѣятелей соціалистическаго движенія всѣхъ странъ (Т. IV, съ указ. на кажд. стр. соотвѣтств. стр. „Справоч. книги соц.“). Группы и портреты (около 150).

ИЗДАНІЯ СОЦ.-ПОЛИТИЧЕСКАГО ОТД.

16. **Фр. Энгельсъ.** О Россіи. Введеніе **Н. Е. Кудрина.**
17. **В. Я. Богучарскій.**—Кровавый синодикъ. (Смертная казнь въ Россіи по полит. дѣл.). **Весь доходъ отъ продажи брошюры поступаетъ въ шлиссельбургскій фондъ.**
18. **В. Н. Южаковъ.**—Аграрный вопросъ въ Россіи.
19. **Ж. Б. Северакъ.**—Современный соціализмъ.
20—23. **Эм. Вандервельдъ.**—Соціалистическія очерки. Полный переводъ (4 № соедин.).
24. **І. В. Г. Влигенъ.**—Аграрный вопросъ въ голландской соціалъ-демократіи. **II. Бономи.**—Движеніе сельско-хозяйств. рабоч. въ Италіи (соед. въ одномъ №).

Цѣна каждаго № (за исключ. № 17, стоющаго въ виду цѣли изданія, 15 к.), 10 к.